

„Вѣстникъ Европы“, обсуждая вопросъ о народномъ искусствѣ, совершенно резонно замѣчаетъ, что слабое развитіе его или, вѣрнѣе сказать, совершенное отсутствіе объясняется не равнодушіемъ интеллигенціи къ просвѣщенію массы, а „независящими обстоятельствами“, бороться съ которыми все равно, что „прать противъ рожна“. Какой видъ, замѣчаетъ выше названный журналъ, могли бы имѣть театръ, музыка и т. п., напримѣръ, въ Малороссіи, если какъ было до послѣдняго времени, народный языкъ не былъ дозволенъ въ концертахъ и театрахъ даже большихъ городовъ? Если удержится запрещеніе, не отмѣненное официально до сихъ поръ, — мы и вообразить себѣ не можемъ, каково можетъ быть *народное* искусство въ этомъ обширномъ краѣ нашего отечества, гдѣ народъ, не смотря на всю ревность враговъ „укаинофильства“ (т. е. любви тамошнихъ жителей къ своей родинѣ) все-таки говоритъ по-малорусски.

Для народнаго искусства сдѣлано, собственно говоря, не мало. Развѣ Шевченко не чисто народный поэтъ? Развѣ громадное большинство его произведеній не можетъ быть понятно каждому крестьянину-малороссу. Развѣ у Котляревскаго и Квитки-Основьяненко нѣтъ вещей, вполне доступныхъ для массы?

Но что же? „Кобзарь“ даже и для интеллигенціи считается запретнымъ плодомъ, чтобъ вкусить его надо заплатить не малые деньги: разрѣшеніе на изданіе „Кобзаря“ дается весьма туго, черезъ длинныя промежутки времени, когда онъ сдѣлается библиографическою рѣдкостью. Распространеніе въ народъ сочиненій Шевченко, поэта высокой гуманности, имѣло въ миллионъ разъ болѣе благотворные результаты, чѣмъ распространеніе тѣхъ книжонокъ, которыя стряпаются нашими самозванными и безталанными педагогами и народолюбцами, книжонками, повѣствующими усыпительнымъ образомъ о „любопытныхъ явленіяхъ природы“, о князьяхъ Рюрикова дома и т. п. Книжонки эти мало читаются и въ Великороссіи, въ Малороссіи же и вовсе не читаются, да и не могутъ читаться ужъ потому одному, что написаны на языкѣ, не понятномъ украинцу.